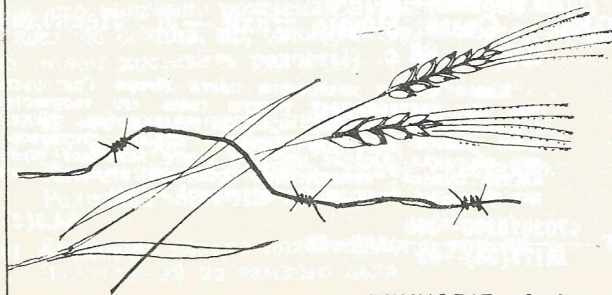

Игорь Григорьев

СТЕЗЯ

НОВЫЕ
СТИХИ

ЛЕНИЗДАТ · 1982

Григорьев И. Н.

Г 83   Стезя: Новые стихи. — Л.: Лениздат,
1982. — 88 с.

Книга стихов известного поэта Игоря Григорьева еще раз подтверждает тесную связь его творчества с русским фольклором; глубокое жизнелюбие, преданность родной земле пронизывают лучшие стихотворения сборника. Особое место в книге занимает поэма «Жить будем», посвященная событиям народной жизни во время Великой Отечественной войны.

Г $\frac{4702010200-098}{M171(03)-82}$ 177—82

84.3(2)7

© Лениздат, 1982

**СТЕЗЯ
ИГОРЯ
ГРИГОРЬЕВА**

Есенин писал в мае 1921 года: «Блок — поэт бесформенный, Клюев тоже. У них нет почти никакой фигуральности нашего языка... 500, 600 корней — хозяйство очень бедное, а ответвления словесных образов дело довольно скучное, чтобы быть стихотворным мастером, их нужно знать дьявольски. Ни Блок, ни Клюев этого не знают, так же, как и вся братия многочисленных поэтов».

Сказано, очевидно, излишне резко, но разве не заставляет задуматься искренняя тревога выходящего лирика за обращение писателей с их непосредственным материалом — словом? Разве не заслуживает внимания работа самого Есенина над расширением пределов поэтической лексики, над использованием диалектизмов? Наконец, разве не имеют вышеприведенные размышления Есенина самого прямого отношения к практике современной поэзии?

Критика давно отметила пристальное внимание Игоря Григорьева к народному слову. Есенин призывал «петь по-свойски». Григорьев так и поет, и разве не доставит радость читателю, например, его описание рождения луны (обычно пишут о восходе солнца, но, оказывается, и восход месяца может доставить радость!).

И тут мы увидели дивное диво:
На взгорке, в гнезде валуна,
Как длинная искорка, плача счастливо,
Родилась малютка луна.

Была она словно подснежник в апреле,
Зажженный из темного льда,

Была она вроде блестячей форели,
Прозрачной, как в Узе вода...

Молчаньем — звончайшим — потемки
нагрузли;

И, нежно стена, издали,
На омут, как будто на черные гусли,
Искристые струны легли.

И тоненько, точно травинки с проталин,
Вздохнули — кто знает, о чем?
И тихо, сторожко так за-рокотали;
И плеск — от Шелони, и — челн;

И зов!..

Что особенно важно, поиск оттенков речи предпринимается ради поиска точности поэтического народного мироощущения. Для Игоря Григорьева характерны не только глубинный поиск заветного слова, но и кровная близость к народному творчеству, не только знание, но и живое ощущение фольклора. «Высокий гимн, частушку ль взять, коль в них душа, все — песней звать», — говорит поэт, и это широкое понимание песни уже само по себе свидетельствует о его причастности к народному словотворчеству.

Слово, однако, неразрывно связано с тем, что оно выражает. И не случайно в «Истории русской советской литературы» И. Григорьев анализируется в ряду тех поэтов, которые разрабатывают традиционные для русской и советской поэзии темы родины, исторических судеб народных масс, жизни простых тружеников: «Вот почему во многих стихотворениях и поэмах этих поэтов так сильно подчеркиваются глубокие связи современности с прошлым родной земли. Исследуя сложные проблемы времени, поэты более всего задумываются над истоками тех положительных сил в народе, которые помогали ему переносить ве-

личайшие трудности и испытания в борьбе за свои идеалы»¹.

Давно известно, что в верности родной земле, традициям родного народа — залог творческих успехов поэзии. Жизненную конкретность поэзии Игоря Григорьева придает его привязанность к родному Псковскому краю — и в радости, и в горе: «Нам с тобою одна непогодина и веселье одно на роду». Да и родная земля грустит в разлуке: «И радуг твоих коромыслица линияют и гнутся одни». Характерно и показательно, что, будучи членом Ленинградской писательской организации, И. Григорьев переселился на родную Псковщину.

Мотив радостной встречи с родной землей захватывает уже с начальных страниц его новой книги «Стезя». Свет жизни, любви, причастность к народной жизни пронизывают лучшие стихотворения книги. Вместе с тем новая книга раскрывает драматизм жизни: поэт говорит о сложных коллизиях современной деревни.

Этими своими мотивами поэзия Игоря Григорьева естественно входит в контекст не только современной советской поэзии, но и вообще литературы, виднейшие представители которой — Федор Абрамов, Василий Шукшин, Виктор Астафьев — обращаются именно к деревне в поиске глубинных основ народной жизни, нравственной основы народного миропонимания.

Наиболее крупным произведением в новой книге является поэма «Жить будем». Идеино-нравственный кодекс автора выражен в ней в наибольшей мере: герой поэмы — русский народ, мужественно преодолевающий трагические препятствия на своем пути. Автор впечатляюще рисует драматические картины военных будней — и в том ему помогает колоритность его языка.

Давно окончилась Великая Отечественная война, но появляются все новые и новые воспоми-

¹ История русской советской литературы. М., 1974, с. 561.

нения ее участников, потрясающие достоверностью свидетельства очевидцев. Одним из таких свидетельств становится и поэма «Жить будем», но здесь достоверность — не документальная, а художественная, и это увеличивает силу производимого ею воздействия. Вспомним, например, как описано убийство одного из мальчиков, взятых фашистами в плен в качестве заложников:

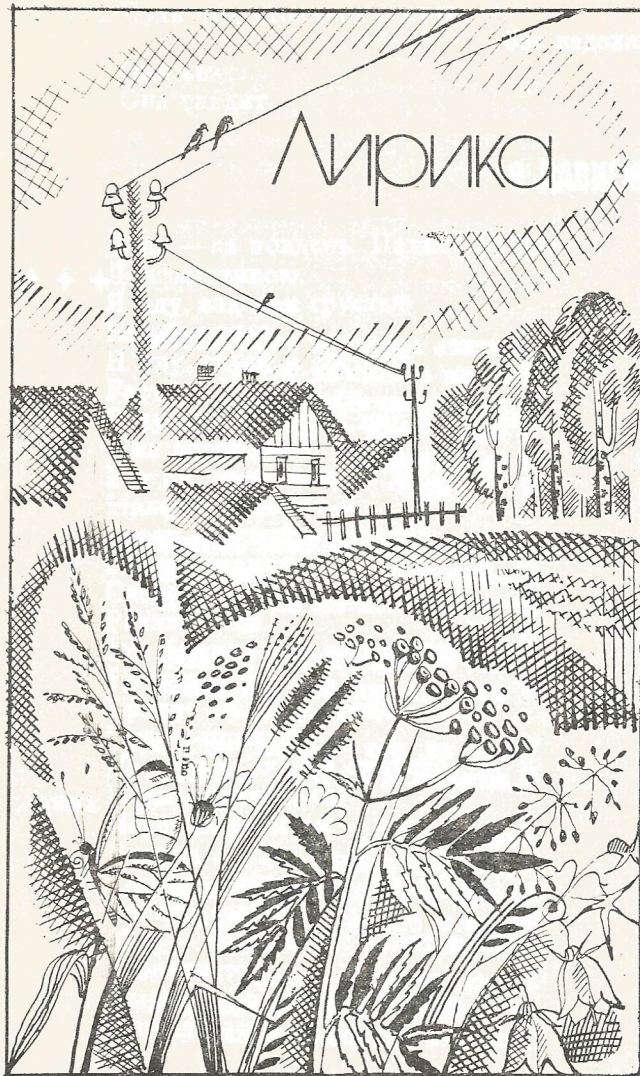
Как белый журавлик, он звал свою стаю,
Шуршал, будто сорванный лист:
— Я к маме хочу! Про машину не знаю...
Не бей меня, дядя фашист!..

Сочетание народно-песенной образности и скупой информативности, эпической широты кругозора и лирически-щемящей психологической проникновенности — всем этим характерна и поэма в целом. Такова, впрочем, и поэзия Григорьева вообще. Но есть в поэме «Жить будем» образ, который позволяет расценивать ее как высшее достижение автора в отображении народной жизни. Это образ деда Михаила с его героической, в чем-то исключительной, но все-таки типичной судьбой. Его пытали оккупанты в гражданскую войну, его расстреляли их потомки в Великую Отечественную.

Благодаря фигуре деда Михаила поэма «Жить будем» встает в ряд эпических произведений, запечатлевших борцов за советскую власть и народное дело, таких, как «Анна Снегина» С. Есенина, «Флаг над сельсоветом» А. Недогонова. Творчество Игоря Григорьева одерживает все новые победы на магистральной линии развития советской литературы.

Владислав ШОШИН

Апрель 1981 г.

Зажгись глаголом песнопенья!
Иди на огненном ветру,
И жги сомненья поутру,
И сам сгорай от изумленья,
И заклинай:
Я не умру!

А не пойдешь — себя обманешь,
Но Время все не превзойдешь:
Ведь сам себя ты не найдешь
В себе,
Лишь сердце зряшно ранишь.
А мир так скорбен и пригож.

Везет ли, нет — живи, не кайся
В жарынь и в стынь, в светло
и в хмарь;

Изведай новь,
Припомни старь;
Не прячь себя, ликуй и майся,
Земли и страж и государь.

Уразумей: крута эпоха,
Разладишь с ней, не поцадит —
Она, как вихорь грозovit, —

Чуть что, столкнет с пути, —
без вдоха.

Она везде.
Она глядит.

В ДАВНЕМ

День — за полдень. Пахнет Русью
Долгожданною.
Я иду, задарен грустью
Безобманною.
Я иду, седой и светлый,
Растревоженный, —
В луг пригожий, в мир заветный, —
Мил дорожиной.
Вот он, детства край далекий,
Малость славная —
Берег, желтый и отлогий,
Речка главная.
Сколько лет чиста водица
Разливается,
Все бежит — не набежится,
Не умается.
Бродят аисты у брода —
Птицы-правнуки.
До чего ж сладка сморода,
Мёдны травоньки!
Неусышь ребячья — заводь,
Внучка омута,
Где язи клевали — с лапоть,
Ряской тронута.
Мой — не клюнул: ходит в сини,
Забавляется,
Вырос — во! Меня доньше
Дождидается.

◆ ◆ ◆
Дорогие лесные пустыни,
Серой бльхи могучий разбой.
Здравствуй, робкая былка полыни,
Мне нисколько не горько с тобой.

◆ ◆ ◆
Неказиста трава, неприглядна,
Худосочна и что там еще?
Мне надежно с тобой и отрадно
Опереться на дружье плечо.

◆ ◆ ◆
Ни тревоги на сердце, ни боли,
Только свет — от земли до небес.
Как давно мы не виделись, поле,
Не аукались, песельник-лес!

◆ ◆ ◆
Ты дубы на полянах огромнишь,
Рвешься к зорям, орел крутокрыл.
Ты меня поневоле не помнишь,
Я по воле тебя не забыл.

◆ ◆ ◆
Будет всякое, всякое будет
В наших судьбах, таких горевых:
Нас прогонят, обманут, осудят,
Нас отвергнут от зорь заревых.

◆ ◆ ◆
Нас еще позабудут, забросят,
Опалят беспощадным огнем
И железной секирою скосят,
Только мы все равно не умрем.

◆ ◆ ◆
Хоть чего напридумай-наделай,
Хоть грози извести на корню —
Наши корни в земле порыжелой
Не унять никакому огню.

◆ ◆ ◆
Так давно мы не виделись, поле,
Не аукались, песельник-лес!
Ни тревоги на сердце, ни боли,
Только свет — от земли до небес.

◆ ◆ ◆
Не прибыльна песня об этом,
Вся — пламя, октябрьская тишь:
Коль ты уродился поэтом —
От первой же искры сгоришь.

◆ ◆ ◆
Поэт ли я, нет? а сгораю;
Вся глушь, как пылающий скит...
Поэтому я выбираю
Погоду, когда моросит.

◆ ◆ ◆
«В такое бездожде беречься?
А грянет ненастье — запеть?
Да это ж от злата отречься!..»
А мне бы — дотла не сгореть.

ВЕШНЯЯ НОЧЬ

◆ ◆ ◆
Тишь-тепльнь усердная —
Снеготай.
Субботея вербная —
Скоро май.

◆ ◆ ◆
Выси разгорожены —
До звезды.

Тропки и дорожкины —
Без узды:

Никого не спрашивают,
Где гулять.
Мысли прихорашиваются —
Благодать.

Рощица-березица
Спит. Молчок.
И в воде от месяца —
Большачок.

Я чегой-то сник в печали,
Призавянул, приугас:
На возлюбленные дали
Сколько дней не пялю глаз.

Сколько ночек-звездопадок
Не скитаюсь по земле.
А ведь я ли был не падок
Жечь костры в крошечной мгле.

А ведь я ли, вспомняните,
Был до зорек не охоч:
Не жалея сна и прыти,
Бёг за утром через ночь.

Был на «ты» с дремучим лесом,
С крутовьюжьем и грозой.
Вдруг, спознавшись с модным стрессом,
Стал, ей-богу, сам не свой.

Только маяться не буду —
Прозябать ни для чего:
Возвернусь к родному чуду,
К сладкой горести его.

Будь хоть что, не будет хуже:
Посох в руки — и айда!
В колеях мутнеют лужи:
Здравствуй, водушка-вода!

Лист помре — скосила осень
Ноябриною косой,
Лысый луг травы не просит:
Усыпленье и покой.

Небо немо и широко,
Ветру зябкости не жаль...
Приюти меня, дорога,
Вразуми, зараспечаль.

Разлука-даль стихи слагает:
Уйди в зарю из шалаша!
И в том пути изнемогает
Моя бездомная душа.

Уже и утро пролетело:
Передохнуть бы у ручья.
Но хоть бы что душе до тела,
Она торопит: даль ничья!

Уже и версты ночь итожит,
И телу брэнному невмочь.

А вот душа изныть не может,
Ей никогда не изнемочь.

Она, как песнь, как путь, нетленна,
Ее, как время, не унять...
Твердят: душа у тела пленна.
Кто у кого в плену, как знать.

Мне бедный лог, осенний лог
За тьмы изломом
Не будет, как бы ни продрог,
Холодным домом.

И что с того, что ни листка
Над гребнем сизым:
Травы зеленая тоска —
Печали вызов.

Мне никогда, мне никогда
В час непогожий
Не станет стылая вода
Змеиной кожей.

Пускай все плесо на ветру
Шипит и вьется.
Но ввечеру иль поутру
Синь засмеется,

И потеплеют холода,
И тихо станет.
Перегорю, как всегда,
Коль друг обманет.

Чтоб сердечней биться
Сердцу-ветролюбу,
Сбыл я рукавицы
И — в придачу — шубу.

Для большой дороги
Валенки — морока:
В них, как в гирях, ноги —
Не находишь много.

А без малахая
Обойдусь подавно.
Не темней, вздыхая, —
В поле-то как славно!

Март мосты разводит
На уснувших речках,
Солнце колобродит:
Жáры внедалечках.

Что ж ты морщишь губы,
Укоряешь бровью?
Мы ведь — лета трубы,
Мы — с горячей кровью.

День меня — в охапку,
Даль к ногам упала:
Голову — не шапку —
За такое мало!

◆ ◆ ◆
Большой закат на вечер малый
Упал, горит на берегу.
И этот отзвук запоздалый
На черно-розовом снегу.

Такой родной и одинокий,
Которого бескрайне ждал,
Недосягаемо далекий —
Возник, истаял, отрыдал

В лесах, как лед, оцепенелых,
В сугробах, глыбких и немых,
На крыльях неба красно-белых...
Но не сгорел: затеплил стих.

◆ ◆ ◆
Позвала к открытому окну,
Уронила руки на плечо:
«Здравствуй!.. Хоть бы в чем бы
упрекнул.
Хоть спросил бы...» —
«Полноте, о чем?»

Да и вы —
С чего мне горевно? —
Зряшный ведь бросаете вопрос.
Наше полымя давным-давно
Знобкий ветер во поле разнес».

Все в сугробах, стыло, бел-бело,
День — и невысокий, и немой...

Все по правде: лето не взошло
У раскрытого окна
Зимой.

◆ ◆ ◆
Да неужель мы хуже лебедей,
И аистов, и ласточек вернейших?
В любви твоей-моей, в любви людей,
Мы разве любим неверней и меньше?

И если даже бес вселится в нас,
Толкнет вкусить чужой запретной сласти,
Мы люди, любим все же только раз,
В конце концов стыдясь бесстрастной
страсти.

На всей Земле, не только на Руси,
Перволюбовь изменой не избудешь;
«Люблю тебя!» — хоть как произноси,
Не о любви тужить, о любви будешь.

ОПРАВДАНИЕ

Я прочь ушел, я в ночь ушел,
Но верю свято:
Не угасает красный дол
Окрай заката.

И не дано мне, не дано
В тебя не верить,
Пускай недавно иль давно
Закрылись двери.

Что было, быть тому до дна —
Ничто не слыло.
И я один, и ты одна,
Мое светило.

Ты — вещей звук в моей судьбе
С немим укором.
Я не могу прийти к тебе
Прощенным воров.

БЛУДНЫЙ СЫН

Была бесприютна погода —
Покров мокроснежил и дрог.
Так случилось уж:
Трудных три года
Я здесь не оскабливал ног.

Печального образа рыцарь —
Каких только чуд не чудил.
В погоне
За стервой жар-птицей
Ни песен, ни крыл не псадил.

По разным чужбинам шатался —
Скобарь, шантрапе ль побратим?
Измучился.
Родине сдался.
И, пленный навек, победил.

Пред этим обиженным домом
Я плачу.

Я снова рожден.
И пахнет знакомым-знакомым:
Позёмом да вешним дождем.

НАЧАЛО ПСКОВА

(из поэмы „Зажги надежду“)

— Аз небылица — суть забота,
Она доньше не забыта.

Давным-давно, чудесней дива,
Жила на белом свете дева.

Взросла в Лыбутах — в бедной веси,
Приданого — река, да выси,

Да кур, да без соли солонка.
Но не печалилась селянка:

И дочьрью была примерной,
И работуньей страсть проворной.

В день, в ночь — лишь челн ее
покликай —
Людей возила по Великой:

Старателей в полях и дебрях,
Простых и знатных, скряг и добрых;

Те шли на брань, а эти — с пира...
Перевозила всех без спора.

На переправе было людно,
И дело шло у девы ладно:

Она приданое копила,
В порогах зло река кинела...

Дружинник витязя однажды
Привез на брег: в крови одежды,

И все чело страдальца было,
Как первая пороша, бело.

Добрунья маялась: «О, бедный!..»
Дружинник молвил: «Бой обидный:

Вся в сече полегла дружина.
Спаси его!»

Она дрожала.

Глава у юноши зависла.
«К нам!» — Дева налегла на весла...

«Спаси!» — одной подвластна думе,
Его укрыла в отчем доме.

Отец — согласен, мать — ни слова.
Родным поклон! Сварогу слава!

Вблизи деревни, в плитах серых,
Меж валунов, немых и сирых,

Ключи текли целобноструйны;
Их осеяли вербы стройны.

Она туда — живет ветра, —
Живой водой наполнить ведра!

И раны молодцу омыла,
И завязала их умело.

За ним ходила дни и ночи:
Не исцелился б князь иначе.

Он рек ей: «Свет во дни ненастны,
Люблю! Не бысть иной невесты.

Клянусь я огненным Ярилой
И воем выюги над яругой:

Со мной всегда ты будешь рядом!
Как звать тебя? И кто ты родом?»

Счастливой не тая улыбки,
Легко и просто, без уловки,

На Игоря взглянувши кротко,
Ответствовала дева кратко:

«Мой ясноликий княже-кречет,
Мужичка родом, Ольгой кличут.

Ты люб мне. Ждати вечно буду.
С тобой на все готова беды!»

Потом, потупив очи долу,
Сказала: «Люди кличут к делу».

«Так жди меня, готовься к сватам!..»
Заря плескалась тихим светом.

Они простились ранью росной
Под вишнею, от цвета рясной.

Горело лето. Стыла осень.
Вот снегири обсели ясень.

И тут в Лыбутах — сани, сани!
И свет-сваты к свет-Ольге — в сени!

Седмицу свадьба-пир не стыла!..
Так дочь селян княгиней стала.

Зовуч земли родимой корень:
Из Новеграда в отчий курень

Пожаловала Ольга летом,
И к родникам, что чайка — летом!

(Те родники как почесть ладе
«Ключами Ольги» кличут люди.)

Назавтра, при восходном свете,
При малой челяди и свите

Ладью княгиня подрядила:
Она о Кроме порадела...

На берегу — хрустящий гравий,
На Кроме — лес косматой гривой:

Пристанище буй турам бурым...
Залюбовалась Ольга бором,

Скалой, обрывом неприступным,
Двух рек теченьем непрерывным

И утвердила властным словом:
«Здесь встанет град, велик и славен!»

Срубили дом — с коньком, с сенями
И со украсами с иными...

Так бы основан город Плёсков
На Кроме каменном и плоском.

Немы и пусты
Знобкие поляны.
Голые кусты
Зыбки и туманны.

Над плакун-травой,
Над водой и мхами —
В синьке ветровой —
Звезды ворохами.

Полночь без луны,
Путь мой без дороги.
И ничьей вины,
Никакой тревоги.

Октябрь в низинном захолустье
Знобит раздетые кусты.
Не запоясаться от грусти,
От журавлиной маеты.

Хоть истомись, хоть разжалей —
От сирых нив не уберечься,
И на распяты не отречься
От засыпающих полей.

Простор обнимет
И обманет,
Заставит вжаться в города.
Так что же, что несет и манит
Тебя сюда, тебя сюда?..

Какою неизбывной верой
Заогневается душа,
Когда в дали, пустой и серой,
Всплеснется трепет камыша.

И всхлипнет тишь: «Кровинка-сын!..»
И ты опять простой и прежний,
Как в рани — кроткий, свойский,
здесьний,
И на сердце — не стынь, а синь.

В жар-июль, в разгар покоса,
В неумную страду,
На земле роса белеса,
Зори рдяны, дни в цвету;

Вволю иволгиных свистов,
Вечера — туман парной,
Рань медвяна, зной неистов,
Грозы праздны — стороной;

Сёла тихи, дали ясны,
Ни хмурилки в облаках.
Все в заботе, все причастны —
Все гуляют на лугах.

Травостой — ширь-широки:
Поймы, пожни, клевера...
Коротки у лета сроки,
Строга страдная пора.

— На подмогу не пожалуй
К нам пятерка подгонял,
Не успели бы, пожалуй:
Кто б последний стог умял?..

Небо чисто и нарядно,
Солнце село, месяц — в путь.
Дело сделано, и ладно.
Рожь поспела: вот в чем суть.

ПЕРЕД ИЮНЕМ

Зажгли в беложар, осветили округу
Черемух белынь-острова.
Весна наметелила теплую выюгу,
А понизу выюги — трава.

А поверху выюги — сияющий воздух:
Дыши, гореванья не знай;
Чуть выше — в просторе — струистая

роздымь:

И это — всего только май.

Как будто сорвалось веселье с постромок —
И малой печалинки нет.
И так от зари до зари, до потемок,
До сумерек — радость и свет.

А вечером — небо звенит и ликует
От крыш деревянских — до звезд,

И странник-дергач с тишиною толкует,
И мир удивительно прост.

Вся глыба земли до невятной былинки
Горит, освещая твой путь.
И скоро цветы разбросают рябинки
И озимь взовьется по грудь!

ДОБРОТА ЦВЕТОВ

*Тамаре Ивановне
и Виктору Павловичу Малининым*

ОДУВАНЧИКИ

В дни весенних страдных буден
Даром дарят, жизнь любя,
Золотую радость людям,
Пряча горечь для себя.

ИВАН-ЧАЙ

Когда швырнет хатенки в бездну
И пламя все дотла доест,
Я на пожарище воскресну —
Не дам забыть родимых мест.

ЧЕРТОПОЛОХ

На «цап-царап» не налегаю —
Своим трудом живу-служу.
Я не людей — чертей пугаю
И рой шмелиный сторожу.

БЕРЕСК

Цветет с апреля до зимы,
К тому ж — во всякую погоду.
И празднуют под ним холмы:
Малюсенький, а сколько меду!

ПРОСТО БУТОНЫ

Полны осенние бутоны
Невыразимым сладкогрустьем:
Они — как хутор в веки оны,
Рыдающий над захолустьем.

ПОДОРОЖНИК

Его топчи, громи копытом
И траком жми, а он растет.
Жить можно даже очень битым:
Была б дорога, боль не в счет.

ГРАЧИ

И дым Отечества нам сладок и приятен!
Александр Грибоедов

Добрались до отечества грачи
(Мы все, живые, рвемся к дому, рвемся).
Метель плюет им в очи: не кричи!..
А птицы уповают: перебьемся.

Февраль в размахе — месяц до весны,
Морозы напоследок стервенеют.

◆ ◆ ◆
В августе рассвет на ногу нескор:
*Мудрые живут не спеша.
Ругань петушиная ему не укор:
Что им, за душой — ни гроша.

Кто о чем печалится, слышу сам,
Знаю, чем иные горды.
Многовато сусла текло по усам,
Угодив к безусым во рты.

Чую, что к чему, давненько уже,
Не таю казну в сундучках... —
У него грустинка в чуткой душе,
Хитрая смешинка в зрачках.

Кладью отягчен август-свет:
Все добро земли на столах.
На его заботе — мир да совет,
Не до краснобайства в делах.

Вышлет сквознячок, а сам — молчок:
Нечего шуметь зазря.
Опадают росы: «Чок, чок, чок...»
Чистит фитили заря.

Зреет, не спешит рассвет шагать,
Тормошит высокую тишь.
Доброму хозяину, ему ль не знать:
Поспешешь — людей насмешешь.

◆ ◆ ◆
Я в русской глухомани рос.
Шагнешь — и прямо на задворках
Тоска, да мох, да плач берез,
Да где-то град уездный Порхов.

В деревне — тридцать пять дворов;
На едока — полдесятины;
На всех — четырнадцать коров,
Да в речке Узе вдосталь тины.

Народ — на голыше босяк.
А ребятню что год рожали.
Как жили? Всяко: так и сяк —
Не все, однако, в даль бежали.

Большим не до меньших — дела:
Не как теперь — не на зарплате.
Нам нянькой улица была,
Низина — мамкой, взгорки — тятей.

Про зиму что и вспоминать:
Метель вьюжила на болоте, —
Зима и сытому не мать,
Хоть в шубе будь, да все не тетя.

Весной сластились купырем,
Подснежной клюквой да кислицей;
Под май — крапивки поднарем:
О вешний суп с живой водицей!

Зато уж лето детворе
Надарит бобу и орехов,

И птичьих песен на заре,
А солнышко нажжет доспехов...

Нас в люди выводила Русь
Всей строгостью земли и неба;
Пусть хлеб ее был черным, пусть,
Но никогда он горьким не был.

◆ ◆ ◆
Когда мы были очень юными,
Совсем не верили тогда,
Что под березами подлунными
Живая замерла вода.

Не ведали, что младо — зелено,
Все вроде ясно наперед.
Запрету: «Дедами не велено!»
В глаза дерзили: «Век не тот».

Глядели мы глазами бедными,
Не видя бедствие свое.
А над полями предрассветными
Цвело и спело синевье.

Любая горка и овражина
Себя являла, как могла.
Все было просто и налаженно,
Все смысл имело — свет и мгла.

Нам были злат-края доверены,
Чтоб не закрался в них урон.
А нам бы — вдаль: мы были зелены,
Заветы дедов — не резон.

Друзья и я, и ты, любимая,
Не оглянулись за селом...
А жизни суть неодолимая
Была и есть — родимый дом.

Давно я не был в той окраине,
И твой там не отыщешь след.
Себя мы сами больно ранили:
Везде нам дом, и дома нет.

ВО ВРЕМЕНА ГОДА

ЗА ЦВЕТЕНЬЮ

Не думай, что я обездолен,
Что сбился с веселья давно:
Поскольку я лирикой болен,
Мне сердце беречь не дано.

Июнь отсвистел сладкогласно,
Июль оттремел, отсиял.
И поле на жатву согласно,
И красен закат, а не ал.

Стога и печалинка — с пожен,
Янтарные росы, как мед.
Еще оком не тревожен,
Но лето уже устает.

ЗА ЛИСТОПАДОМ

Березы дымят, побурели,
Споткнулись о ржавую медь,

Кого они только не грели!
И стало им зябко гореть.

Ни песен, ни злат-полушалка —
Лишь осени стылое дно.
И стало им лета не жалко,
И стало им все — все равно.

Зияют в чащобах напасти,
Немеют певун-пустыри...
А ты, мое сердце, на части
Не рвись — потихоньку гори.

ЗА ВЬЮГОЙ

Нечаянно вдруг загруститесь.
Нечаянно ль? Что вопрошать! —
За вьюгой любимые лица,
И некому руку пожать.

Минувшее давнее-давно
Некстати начнешь ворошить:
В былом не отрадно — отравно.
И полночь. И чем дорожить?

Ни света, ни слова, ни друга —
Лишь вопли да темень вокруг...
Сестра милосердная вьюга,
Прости мне: дай руку, мой друг!

ЗА ПАВОДКОМ

Набег обернулся побегом:
Апрель разметал холода.

Трава не погасла под снегом,
Сугробы спалила вода.

В чащобах зажглась медуница,
И светла тоска журавлей,
И каждая лужа — криница
В ладонях полян и полей.

И гром возвратился ретиво,
И так прокатился легко!
И день — разливанное диво!
Но вьюга моя далеко.

ОСКОЛОК

Как ласково день догоревший,
Как мирно отходит ко сну.
И ветер, как хмель присмиривший,
Прилег до утра под сосну.

И мнится: в доверчивом мире
Ни крови, ни ярости нет.
Но утро прольется в четыре,
И дело зажжется чуть свет.

Свинцом раскаленным подует,
Свирепый тротил хлобыстнет,
Разверстая кровь забедует,
И кто-то судьбу проклянет,

Кого-то надежда обманет,
Кого-то звезда озарит,
И кто-то вовеки не встанет,
И кто-то в огне не сгорит.

Но это потом. А покуда —
На целых четыре часа —
Покоя предоброе чудо,
Как веки, смежает леса.

Мы тоже ведь чада природы,
Нам тоже не грех прикорнуть.
Еще окаянные годы
Пошлют нас в пылающий путь.

Давайте с тревогой простимся,
Не будем гадать о судьбе,
Под тихой сосной прикотимся,
Не время тужить о себе.

В дремоте бугры и ложбины,
Не знают ни зла, ни вины...
Полтыщи шагов до чужбины,
Четыре часа до войны.

КРАСУХА В 1943-м

Вокруг Красухи травы глухи,
Часты кусты густым-густы.
Еще у Мира очи сухи, —
Еще святой не стала ты;

Еще душа не у предела,
Не вознеслась, не полегла, —
Еще ты люто не сгорела,
Бессмертия не обрела;

Еще в осеннем озаренье
Ты теплишь грусть, мое село,
И ни тоска, ни разоренье
Еще не жгут твоё чело;

Еще ни боли, ни печали,
Еще ты машешь в три крыла,
Лишь крик набата прячут в дали
Твоих берез колокола.

Год сорок третий. Сентябрины.
Что день — темнее златогрусть...
Какие дани и дарины
Ты жертвуешь и платишь, Русь!

Какому лиху, злу какому
Дано свершиться над тобой! —
Здесь ни живой душе, ни дому
Не выстоять перед судьбой;

Не выстоять перед напастью,
Что разразится в ноябре, —
Захватит огненную пастью
Тебя, Красуха, на заре.

Убьет — сожжет людей и хаты, —
Жизнь обратит в золу и прах...
Но до своей горючей даты
Тебе лететь на трех крылах.

И ты летишь над коловертью,
В осеннем полыме горя,
Навстречу страшному бессмертию —
До огненного ноября.

ПОСЛЕДНИЙ БОЛЬШАК

Любови Смуровой

Недоступен лик и светел,
Взгляд — в далеком-далеке.

Что ей версты, что ей ветер
На бескрайнем большаке.

Что ей я, и ты, и все мы,
Сирий храм, и серый лес,
Эти хаты глухонемы,
Снег с напуганных небес.

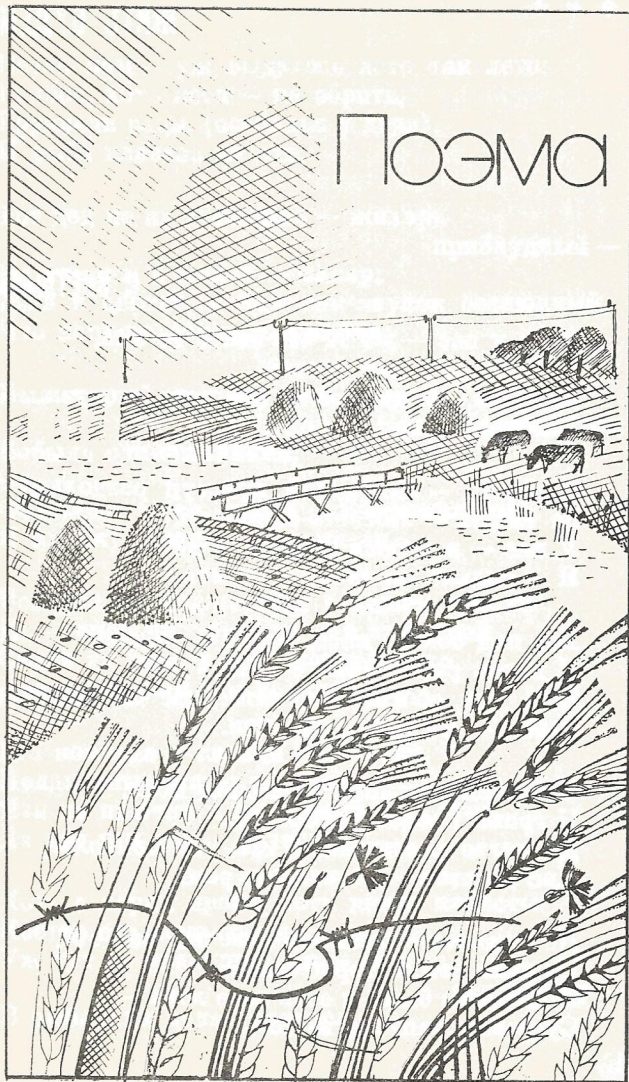
Жарко ноженки босые
Окропляют кровью лед.
Горевой цветок России!
Что ей смерть. Она идет!

Поклон, поклон, ржаное поле,
Речушкин брод, косой стожок!
Мне жар земли безверье сжег —
Ни зла, ни зависти, ни боли.

Здорово, ласковые звери —
Ежи, сороки и ерши!
Ей-богу, с вами хоть пляши:
Душа в добро открыла двери.

Привет вам, грозовые тучи
И дымчатая голубень!
Спасибо, дружбе вещей день,
За все, что в жизни неминуче.

ЖИТЬ БУДЕМ

I. СВЕТЛЫНЬ

Река у нас — во! А что звать ее Ёза,
Так это еще как сказать.
Малины — в два счета наешься от пуза.
Житуха! Лафа! Благодать!

С порога — ликующий приступ раздолья,
За тыном — стосвета-светлынь.
У нас — и дороги, и дали, и доля,
И — сильно горячему — стынь.

Все под боком: небо, земля и водица,
И плеск разлитого дня;
Есть где обогреться, есть чем остудиться:
Дыши — не тужи, ребятня.

Все наше: лесыще, и дремное поле,
И грома предобрая брань...
Да разве расскажешь про это приволье,
Про детство — несказную рань.

Но главное — «самое» — вечно все это,
Навсего земли торжество.
У каждого было и есть свое лето —
Сугревка, запевка всего.

Везло нам — уж выдалось лето так лето:
Грибов, хоть коси — не обрать,
Грузнели сады (особливо у деда),
И рыба клевала на ять.

Тот дед не из тутошних — жихарь
приблудный —

Не шишка, а сошка — маляр;
Жил в центре, а был как заулок безлюдный,
Что напрочь закрытый амбар;

Был старый, как бор наш, хромою,
но двужильный;

Бобыль одинешенький,
Он
Фамилию даже послал — Бесфамильный
И кличку нажил — Фармазон.

Все дни он малярничал в нашем поселке,
Но — зной ли, гроза ль — в выходной
Сидел на реке у затопленной елки,
Дремучий, как сам водяной.

Его комарь и слепни не кусали,
Полдневные жары не жгли;
Язи на крючки к нему вешались сами,
Да что там язи — голавли!

Хоть с корня дрова, хоть какое ненастье —
Костер его ясно горел.
Уж тут не убавишь: дед — мастер

так мастер —
В рыбацких делах наторел.

И красил на славу, художнику впору,
Забор ли, веранду ли взять —
Нарядит в обнову, даст крылья узору, —
Распишет картине под стать.

Зато уж молчун был и чокнутый вроде:
За рупь не расхмарит лица,
И в праздник пресветлый при гулком народе
Зазря не обронит словца.

Удачна ль рыбалка, доходна ль работа —
Лишь хмурится рыжий варнак;
И все ему будто бы надо чего-то,
И все ему чем-то не так.

Шаром покати в маляровом домишке,
В карманах — одни медяки.
— Ба-альшую монету коптит
на сберкнижке! —
Кряхтели казны знатоки.

— Деньга не шутейная — красненьких
тыща:
Ай, мог бы пожить бы! Й-эх, мог!
А Мишкины святки — чекушка без днища...
— Жмот копит про чертов мешок.

— Што баять, — рукаст и везуч, не зевает,
Рвет деньги, как листья с куста:
В получку по восемь сотняг загребают,
А тратит, сквалыга, полста...

Молчал скопидом — хоть бы хны на упреки,
Как будто он тут ни при чем;
Сносил и смешки, и кривые намеки.
— Ему не впервой: приучен.

— Не курит, не пьет: староверские штучки.
(Поили — дед не-у-по-им.)
— В лаптях разобут: докатился
до ручки... —
Мы вскорости встретимся с ним.

Так, значит, река наша Узой зовется,
И нет ее лучше нигде.
И нам, огольцам, подходяще живется
При той расчудесной воде.

Ходьбы-то каких-нибудь два километра,
Спрямяля крюки, до реки.
Ровесникам утра, приятелям ветра
Такая длина в полноги.

Попутно в горох завернуть недалечко,
Рядком, если — через луга.
С четыре версточки — и вот она, речка:
Прохлада, стрекозы, куга.

Повыше — на гриве — хоть сколько ореха
И дров хоть на сколько костров;
И по лесу — гукни лишь — россыпи эха.
Дорога к реке будь здоров!

Под вечер в субботу у нашей ватаги,
Конечно, на Узу маршрут.
— Ура! Отлиняли клешнятые раки
И в рачницы рысью попрут.

Край лета: приспичило раку ловиться —
С улыбкой, с прищипкой пойдёт;
В пору весь июль голышом отпостыться —
Не шутки, живот подведет;

С такой голодухи не ждут разносолов:
Любой лягушонок — халва... —
В пестрыне, в медыне лугов развеселых
Горластая вьется братва.

Лиловые выси, пшеничные лица —
Ни туч, ни скорбей, ни забот.
Как водится, каждый слегка петушится,
Форсит и маленечко врет.

— Вчерась, понимаете... ты понимаешь,
Как клюнет, а я его — р-раз!
Плотвица взялась до чего же большая ж,
Да леска... — язище ка-ак даст!..

— Сорвался?
— Вдрызг — лесищу в восемь волосьев,
Удилище в щепки разнес!
— А как же плотица?
— Та... клюнула после.
— Язей в Узе удят на трос.

Пойдешь на язя, заверни на конюшню —
Оглоблю к вожжам привяжи:
Уж будет уда на завидки окружью —
На эту таскай хоть кряжи...

Так шли мы рыбачить в субботу, под вечер.
Стоял примирения час,
И глушь никому не давила на плечи,
И радость с надеждой — при нас.

Текли мы, как полные речки, лугами,
Полохали свистом кусты,
На мир опирались босыми ногами,
Горячие, будто костры.

А солнце все ниже, а сумерки ближе:
Уже и туман засивел —
Он пятки щекочет и цыпки нам лижет;
И Ванька домой захотел.

Но Гриша внушил ему, так, без напора,
Тряхнул его левой: — Шалишь! —
А Ванька — бежать! Да закаялся скоро:
От Гриши куда убежишь...

И вот уже рачницы — в Узе, и к ночи
Натаскано дров на лужок,
И ерш червяка теревит что есть мочи.
И всем нам совсем хорошо.

Шел август. И звезды свое отмолчали.
(Вы знали б, как звезды поют!)
И синяя синь, и сладинка печали,
И ночь, как вселенский приют.

Костер наш горит себе смирно и ровно,
Он дышит и тоже поет.
И кто-то над нами, легко и безгромно,
Всё новые звезды кует.

Как бабкина горница, любовью и тмином
Пропахла добрынь-синева.

Проплёскала выдра, бабахнул сомина,
Пропели петух и сова.

Потом безо всякого зла у протоки,
В малиннике, гаркнул медведь!
Мы ближе к огню пододвинули ноги
И стали на плёсо глядеть.

И тут мы увидели дивное диво:
На взгорке, в гнезде валуна,
Как длинная искорка, плача счастливо,
Родилась малютка луна.

Была она словно подснежник в апреле,
Зажженный из темного льда,
Была она вроде блескучей форели,
Прозрачной, как в Узе вода.

И, таинством схвачены, мы присмирели —
Пять друзей у друга-костра.
И явь подтвердил перекал на свирели:
«Ждан-лунушка, здравствуй, сестра!»

Молчаньем — звончайшим — потемки
нагрузли;

И, нежно стена, издали,
На омут, как будто на черные гусли,
Искристые струны легли.

И тоненько, точно травинки с проталин,
Вдохнули — кто знает, о чем?
И тихо, сторожко так за-рокотали;
И плеск — от Шелони, и челн;

И — зов! Уж не сам ли Садко подплывает:
Кому ж еще так-то сыграть?
И если на свете чудес не бывает,
То как же такое назвать?

Уже заутрёло: и сутемь сгустилась,
И куст зашептал, и в лугах,
Луну убаюкав, Венера явилась,
И, главное, дед — на ногах.

Мы знаем: коль Мишка закашлял на речке —
Верней обещания нет,
Что клев на мази и денек впедалечке,
Что время: проснулся рассвет.

Звездинка за звездочкой прячутся звезды,
Нырют вздремнуть-подневать.
Все явственней зыбкая росная роздымь,
Все ласковой: к вёдру опять.

И вот оно, эвон: заряна-денница
Трепещет на каждом листе,
Как пестрые пчелы, несметно роится
Вкруг-около, всюду-езде.

Потемки покой и прохладу свершили
И сникли — с огнем не сыскать.
И бьют на осколки, как плахи большие,
Щучици
Стеглянную гладь.

Река, будто скатерть, к тому ж —
самобранка:

Гостюй у вещун-берегов;
И солнечный блин не горяч спозаранку,
И лес хлебосольный с боков;

И розовый холм на поляне туманной
Сидит, как в печи каравай;

И раков навалом, и жор безобманный:
Берется — тягать поспевай.

Часам к девяти и ведерки, и сумки
Добычей богато полны.

И Гриша итожит мальчишьи задумки:
— Шабашить пора, пацаны!..

Готова уха, уварились раки —
И все это нам дарово.
И что ни мудри там, а стол из коряги
На свете удобней всего.

Такое достанет до сердца любого —
Хоть слеп ты, хоть глух ты, хоть нем.
И стань я кровинкою дня голубого —
Вот так бы и слился со всем!

За тропку в логоу, за бугры и овражки,
За вербу, что в омут глядит, —
Не жаль ни себя, ни последней рубашки,
Не страшно невзгод и обид.

Костер свое дело до искры исполнил:
Пек брюкву, коптил кипятком,
Шугал мошкяру и курился до полдня,
И Ваньке фуфайку прожег.

Костер догорел. Без костра жарковато:
Запуталось солнце в сосне.
Размякли ребята, бодрятся ребята,
И Ванька хохочет во сне.

Пускай отоспится, пускай похочет —
Натешится властью, слабина.
Ужо ему будет, отец ему встрочит:
Фуфайка-то в доме одна.

Но это потом. А пока забавляйся,
Купайся — вода широка,
В песке ерепенся, в отаве валяйся, —
День добрый! Валяй дурака!

Не каждый смегает, хоть всякому ясно:
Спать лишку — чего-то проспять.
Мы Ваньку-засоно втащили на прясло:
Высокая вышла кровать.

К портчонкам его прицепили манерку:
— Потеха! Умора! Ха-ха!.. —
В торбехе дружка учинили проверку,
Не видя в забаве греха.

У малого в торбе рыбешки не густо —
Спать крепок, удить слабоват —
Штук двадцать ершишек, четыре подуста
И брюква (зажал от ребят).

Сухмень. И в воде размокать надоело.
— Нехудо б дедка разыграть. —
Мы Ванькину взяли торбинку: — За дело!
(Нам дать бы! Да некому драть.)

Где плавом, где бродом, дивя стрекозишек,
Забавя до слез лягушат,
По чащам урути, по гущам кубышек
Даем на Глухой перекат.

(Под тем перекастом, в середине излучки,
Лоснясь, как растопленный жир,
Качая елины костлявые руки,
Бездонный ворочался вир.

На этом виру, на бучиле средь леса,
Где нечисть, по слухам, жила,
Старик, не страшась ни шишиги, ни беса,
Торчал до темна от бела).

И вот мы уже у затопленной елки —
Готовы обрушить удар!
Вот лапти в траве заскрипели и смолкли:
Ушел по валежник маляр.

Все в тине, как будто в зеленой кудели,
Нырнули мы: «Ну, рыбачок!..»
И торбу — с ершами и брюквой — надели
На дедов счастливый крючок.

Потом, расхрабрившись, срывая досаду,
С кола оторвали кукан.
И живо — назад, хохоча до упаду:
— Подденет «леща» истукан.

Вернулись к ночлегу. На прясле лад-ладом
Спит Ванька, аж поздри поют,
Не охнет, чудила, и пот с него — градом.
И тишь. И кузнечики бьют.

Козявки снуют себе, день колобродит,
Спокоен сполна и погож.

А в нас ненароком тревога заходит:
Хоть деда — ни в грош мы, да все ж...

А тут еще Ванька: как свалится с прясла
Спросонья, как даст наутек!
Споткнулся. Под носом у малого красно,
На лбу его вспучился рог.

Мы зла не хотели, да вышла ошибка;
Мы, в общем-то, добрый народ.
Мы Ваньку спросили: — Зашибся
не шишко? —
Заверили дружно: — Пройдет!..

Ах Ваня-простак, невезучий товарищ,
Дела-то, как сажа бела:
Фуфайка с дырой, и уши не наварить,
И брюквя была, да сплыла.

Стоял он в большенной отцовской фуражке,
В сестренкиной кофте, босой.
Не жалобься, брат, на крутые замашки —
Ребят не задобришь слезой.

У них силачи да герои в почете.
Понятно? Нишкни, слабаки!
Но что это с небом? Затучило вроде,
И лапти хрустят у реки.

Приперся, лаптюжник, притопал, хромуля,
И встал. И молчит, как немой...
Мы шапки в охапки: — Покеда, дедуля!
— Куда ж вы?
— По делу. Домой.

Опять же червей — ни червя не осталось,
И коз нам назавтра пасти,
И Ванька не сдюжит: расквасился малость.
— Улов-то, поди, не снести?

— Поймали бы вдвое, да бросило братья.
— Похвально. И мне повезло.
— Рыбеху в торбешке не видели,
бра-атцы?..
— Тю-тю, слышь, — струей унесло. —

Старик допекал: — Уза резво бегуча.
Урок лежаку-рыбаку:
Вернешься — тебя хорошенечко вздрючат.
Поменьше кукуй на боку.

А слезы не трать, пригодятся, как видно. —
И мне: — Ты гляди у меня!.. —
И прочь захромал, ухмыляясь ехидно.
И жгло нас, как после ремня.

Его не любили: все — «Мишка» да «Мишка»;
И тем же платил старикан.
Саженный забор, на воротах задвижка,
В саду неусыпный Полкан.

Пудовый замок при калитке — «на случай».
— Жадюга.
— Как есть фармазон... —

А он себе ходит, высокий, негнучий:
Хула гордецу не резон.

Райцентр дивовался: — К чему его мука?
Чем жив человек без забот? —

Ни сына, ни дочки, ни внучки, ни внука, —
Пошто и на свете живет?

Мы жили дом в дом. Мне — морока
от деда:

Ни шагу ступить не давал.
Иметь по соседству такого соседа —
Совсем не шутейный скандал.

Он жил низачем, нелюдим и ехиден,
Имел полновесный кулак;
Он был скупердяй. Я его ненавидел
За стыдный подспинный тумак.

Однако у этого самого Мишки
Был садик — сплошной интерес;
Росли там, сочась, не пустяк-яблочинки,
Не горечь-лешуга — дюшес!

Однажды, смирив цепняка за ватрушку,
В тот сад ребятня забралась.
И только я взвил на медовую грушку —
Съел дулю полынную: — Слазь! —

Дедиче лохматый, рыженный, как сурик,
Сопел, наподобье коня:
— Взобрался, желанный? Попался,
мазурик! —

И щупал подпоркой меня.

Двурогая жердь — это, ой, неприятно
И очень обидно к тому ж.
Мне так захотелось убраться обратно,
Подальше от всяческих груш!

Я сдался, раскаялся: — Больше не буду!
— Не будешь, не будешь, милоч... —
Я крепко запомнил хлестучую уду
И лаптя больнувший клевок.

Пониже спины у меня позудело,
Пожгло — и отпрянула боль.
По лѣту мальчишкам ого сколько дела:
Рыбачь, грибнику и футбол.

Наш брат, оголец, до футбола гораздый —
Напорист и очень горяч.
Мы спиблись: мы стаей грачино-горластой
Покромок пинаем, как мяч.

Гоняем со смаком, блажно и блаженно,
Пасуем и пяткой и лбом.
Дремливый заулок вопит оглашенно,
За нами — пылица столбом.

Над нами — в двух радугах — смирное
небо

И солнышко — ясный сокол.
И вроде бы нету нам дела до хлеба:
Мы сыты, играем в футбол.

Мы лупим! Наш форвард, беспечен
и весел,

Швыряет горбушку: — Ломи-и!.. —
Я прямо в ворота подачу навесил
И слышу: — А ну подними!

И чую: как будто железные клещи
За шиворот взяли меня;

И вижу: возник старичина зловещий,
Дорогу в бега заслоя.

Кругом никого: драпанула ватага,
Рассыпалась, точно горох.
— До самого хлеба добрался, бродяга?
Да чтоб ты, скаженный, засох!

Неуж невдомек, что ногой шалыгаешь?
— А вам что за дело? Свой хлеб.
— Болван ты набитый, коль так полагаешь.
Заелся, от жиру ослеп.

Всю жизнь твой отец ради хлеба трудился,
Чтоб жить тебе влать, дуралей.
Да если б он с финской сейчас возвратился!
Хоть память о нем пожалей.

Была не была, я не поднял краюшку.
Я рвался, канюча: — Не тро-онь!.. —
Дед жалился тихо: — Найдут же игрушку! —
И взял тот ошметок в ладонь.

Замолк. И горбушку обтер виновато,
Достал табакерку, в ней — соль;
Он хлеб посолил: — Не взыщи —
хрустковато.
Ешь! Слышишь? Отведать изволь!

— Да это ж — земля, не еда никакая:
Бодяга, не стоит плевка.
— Не рыпайся, батенька, лопай без хая!
— Мне кушать? Нашли дурака.

— Тебе, шалопут. А иначе кому же:
Сам стряпал. Разинь-ка роток...
— Я съем его после: оставлю на ужин.
— Жуй! Живенько, горе-игрок!

Забавишься дико, резвишься не ладно:
Уж бедная, бедная мать...
— Угу! Отпустите!
— Воспринял? Отрадно! —
И тем же лаптюгой — опять.

Я в избу рванул, запустил в него биткой,
Я крикнул: — Сгорел бы ты, жмот! —
И, хлебом и пылью плюясь за калиткой,
Увидел: он корку жует.

К забору подходит и, крадучись, что-то
Сгоняет со щек рукавом:
— Войди в них о хлебе насущном забота! —
И крестит той коркой мой дом.

II. ПОТЕМКИ

Зеленые, глухие, милые годы,
Не ваша, не наша вина,
Что вы запропали, как в засуху всходы,
Что свет зачернила война.

Не стало ни песен, ни стычек веселых,
Ни доброго плача окрест.
Бездушнее камня в наш любимый поселок
Железный разбойник налез.

Заполз, будто гадина, в русские двери
Из грозной германской норы.

И травы, и древа, и птицы, и звери
Поникли до лучшей поры.

И верное жизни, бесстрашное солнце,
Пресветлую прятало ясь:
То в кровь обагрится, то в дым окунется,
Кошунства войны убоясь.

От грохота стали грома онемели,
Сгорели потоки дождей,
И звезды пригасли, и воды взмутнели —
Так что ж говорить про людей!

С начального трепета, с перворожденья
До самого судного дня
Не ведать землянам такого глумленья,
И тьмищи, и столько огня.

И как ты, земля, это горе вместила
И муки такие снесла!
Как рана сквозная ты вся, как могила,
Как пепел — от злобы и зла.

Нет луга, нет леса, нет речки, нет неба —
О, вольная Родина-мать!
Нет черного — самого сладкого — хлеба.
(Как смели мы чуда не знать!)

Понятно, не смели, однако не знали
Его настоящей цены:
Привычный, как воля, всегдашний, как дали,
Ничем был нам хлеб до войны.

«Ничем» — не совсем, да не очень и дорог:
Навроде в колодце вода;

Обычен, как воздух, как ближний
пригорок:
Не сладости — просто еда.

Двуглавое лихо, когтистое горе,
Чужбина в родимом доме
Учили нас люто — мы поняли вскоре:
Без хлеба не жить никому.

Был голод и враг, и сугробы рядами,
И стужа острее ножа.
Мы снегом немецкий «паёк» заедали,
Мы грелись, морозом дыша.

Мы крались туда, где колхозные риги
Когда-то не знали тоски.
Мерещились нам караван, ковриги,
Горбушки и просто куски.

Нам грезилось лето все в скирдах и в гуле.
Гудеж молотьбы на токах.
Казалось, что мы не в суметах тонули —
Купались в ржанных ворохах!

А въявь — подметали пустые овины,
Не брезгали вдовым хлевом;
И, спрятав за пазуху горстку мякины,
Себя веселили: «Живем!»

Мякину мочили, сушили, рубили,
Мякинушку в ступах толкли;
Потом из мякинки похлебку варили,
Еще — колобашки пекли.

В тот год у задворок, прижавшись
к поселку,
В сугробах, во вьюжном дыму,
Несжатая нива, крича без умолку,
Рыдала в дрожливую тьму.

На «кладбище» это, таясь от злыдней,
Ходили мы жать на заре.
Что может быть горше, больней и обидней,
Чем хлеб на корню в декабре!

Торчат из-под наста колосья, как стрелы:
Взлетят, лишь тетивы спустить,
И ринутся ввысь — за земные пределы
Умчатся. И чем тогда жить?

Какая надежда, какая тут вера,
Какая тут нынче любовь,
Когда автоматы гвоздят у карьера
И поле, как бурая кровь.

Здесь плен и позор, прозябание в страхе,
Пытальня, нещадная боль,
Извечный палач (лишь не в красной
рубахе);
Тут смерть — чужеземцев пароль.

Но это ж морока, неладная думка:
Безгрешна невинная рожь.
Ты дедовский серп достаешь из подсумка
И стебли поникшие жнешь.

Зима опалелая долго-предолго
Швырялась метельной бедой.

И все-таки поле набрякло, отволгло,
С живой повстречалось водой.

Сердяга-апрель распахнул телогрейку,
И солнце замедлило бег,
И высь разморозила вешнюю лейку —
Сминает неистовый снег.

Скулят, как щенки, холода под стрехою:
Недолго сосульки сосать.
Толкут вечера под горюшкой сухою
Комарики, искрам под стать.

И тихо-тихонько, и ласково очень
Ерошит скворца ветерок,
И пар, как дыханье, стекает с обочин,
И мир первозданный у ног.

Смеясь над железной пятой караула,
Весна наплевала на плен.
И в луже квакушка уже шуманула,
И всходит крапивка у стен.

С утра до потемок — желанно и ало,
И журки, как бусы, — с высот.
Теперь бы — в поля, где пестов до отвала!
Да немец до смерти прибьет.

Дошли мы вконец, о-ё-ёй напостились —
Нет мочи. А хлеба все нет..
Уже и ручьи в берега уместились,
Зажегся, зажил первоцвет.

На межах, наверно, кислица — с ладошку
И дудки в ложине — как рожь!
Мы съели б не всё, мы бы так, понемножку...
И рядом, да как тут сорвешь.

А время не терпит, катит себе прямо,
А солнце добрей что ни день.
И май лучезарит из вешнего хлама —
Пора соловьев и людей!

Уже и земля приготовилась к лету:
Ждет сева земля от людей.
А хлеба ни корки и зернышка нету —
В тифу не бывает лютей.

А тут, размалевана в цвет лягушиный,
В саду маляра, у ворот,
Стоит пузатенная вражья машина,
И надпись на кузове: «Brot».

Та надпись манила к себе поневоле:
В ней тоже ведь — хлеб, хоть и «брот».
Мы ночью собрались в расстрелянной школе —
Пять душ, в оккупации — взвод.

Григорий скомандовал: — Смирно! Р-равняйся!
(Он был комиссаром у нас.)
Товарищ Иван, на часы отправляйся...
«Всем-всем. Совсекретно. Приказ:

Занять драндулет с продовольственным бротом
И сжечь для отпора врагу!
Удар нанести в ноль двенадцать всем взводом!
И чтоб опосля ни гу-гу!»

◆ ◆ ◆

Удар угодил, как в окошко полено, —
Вполне подходящий удар.
Машина попалась сухая, как сено, —
Удался веселый пожар...

Сказал комиссар наш: — Исполнено дело:
Сгорело — и в воду концы.
Спалили на совесть, работали смело.
Спасибо за службу, бойцы! —

Он дал мне буханку: — Иван обезножил —
Совсем с голодухи того.
Вручи ему брот! Ну а мы переможем:
Потом поедем. Своего.

◆ ◆ ◆

Назавтра чуть свет, что исчадие ночи,
Вломилась в наш дом немчура.
Весь в черном, баранился
  толмач-переводчик:
— Что делал, звереныш, вчера?..

Чего-то искали, из фляжек лакая,
Маманю секли по щекам;
И в красном углу, под божницей, икая,
Мочился эсэсовский хам.

На улице сонные фрицы молчали;
И сверстники сбились в гурток —
В испуге великом, в недетской печали;
И тишь вопияла: — Сын-о-ок!..

Но вот и окончены сборы в дорогу,
И унтер, мясистый как фарш,
На лысину каску воздел двоерогу:
— Лос, шайзе!
— Заложники, арш!

◆ ◆ ◆

Заложники — десять мальцов, и едва ли
Нам головы нашивать впрередь.
А раньше мы хлеб настоящий едали,
Умели смеяться и петь...

Нас взяли. Нас гонят. Хоть бейся, хоть майся,
Не выскользнуть — стража кругом.
А Ванька-то, Ванька! Как крикнет: —
  Спасайся! —

Как пустится в поле бегом.

«Не надо спешить», — всколыхнулся верзила
И в брюхо упер автомат;
Лицо его бритым и ласковым было:
— Цурюк! Руссиш швайне! Назад! —

Он знал свое дело: он сцапал мальчонка,
Он сбил сапожищем его.
И всхлипывал друг наш тонюсенько-тонко,
И вздрагивал: — Оиньки-о-о!..

Как белый журавлик, он звал свою стаю,
Шуршал, будто сорванный лист:
— Я к маме хочу! Про машину не знаю...
Не бей меня, дядя фашист!..

Был выстрел не гулче хлопка,
не протяжней!

Как будто кто ветку сломал.
И пахло росой и черемухой бражной,
И солнце курган подымал.

Толмач засмеялся: — Все это видали?
Не хочет ли кто убежать?.. —
Тот фриц закурил, и нас дальше погнали.
А Ваня остался лежать.

Бетонные стены, железные двери, —
Подвал, как вониючий ушат;
Зубастые крысы — нахальные звери —
На мокром полу верещат;

Изгрызли все нары, совсем очумели:
Сожрали мои сапоги.
Коштилка из гильзы; ни вьюшки,

ни щели —

Лишь слезы да ржавь со слези.

С неделю мы жили кромешно и люто,
Не видя ни ночи, ни дня.
И вдруг отпустили ребят почему-то.
Оставили только меня.

Мне волю сулили, мне хлеб обещали,
Поили соленой водой,
И клясться велели, и богом стращали..
С тех пор я, как вьюга, седой.

Не знал я, что страхи — всего лишь
полстраха,

Пока не остался один:
И дверь, как секира, и нары, как плаха,
И крысы скрежещут: «Съедим!..»

Текла чернота, каменела, змеилась:
«Хоть кто ты, хоть как разудал, —
Один ты, один — не надейся на милость:
Пропал ты! Пропал ты! Пропал!..»

И весь я пляшу, и по смертному краю
Иду, и дорога пряма.
Я весь онемел — даже крыс не туряю;
Мне трогает волосы тьма...

Очнулся я тише изловленной мыши,
Без мыслей, без воли, без сил.
— Воспрянул! Теперича голову выше!
Не бойся, я — дед Михаил.

И теплые руки меня закачали,
И кровь побежала скорей.
— Жить будем, соколик! Не надо печали.
Суй пальцы за пазуху — грей.

Видать, с лихоманки, холодный как рыба.
Привстань, на меня обопрись.
А то, что отжился, за это спасибо.
Прими-ка сухарь, подкрепись.

О как тот комок на ладони дрожащей
Пылал, сожигая наш склеп!

— Да это же хлеб ведь, ржаной, настоящий!
Дедуля, откуда тут хлеб?

Мне голову дедушка тихо погладил:
— Мальчишеский мячик, сынок.
Не отнят, не хитростью взят, не украден —
Подобран, спасен из-под ног.

Ведь хлеб мы не все уважали, не всюду:
Я знал сорванца одного...
— Я помню.
Я понял.
Я больше не буду.
— Ну вот ты и поднял его.

Бывали к нам всякие, стинут и эти:
Слаб ворог, с того и свиреп.
Тебе, человек, жить долго на свете, —
Держись двоеручно за хлеб!

Пред ним непокорные
главы склоняют;

Ему и сжигать, и гореть;
За хлеб убивают, и им воскрешают,
И можно за хлеб умереть.

Я плакал.
— Журись, время смиренное — к полдню:
Спят изверги в эти часы.
Вернемся с допроса — открою, что помню.
Наплачься, чтоб им — ни слезы.

Живем! Отлежался я после допроса,
Баланды испил и воды,

И кровь перестала сочиться из носа.
До будущей ночи лады.

И вроде в застенке не так и кромешно,
И лучик — как тут он и был;
И дедушка Миша, певуче, неснешно,
Журчит: — Стародавняя бль.

В моей стороне, на родиме-Вкраине —
Ты ведал бы — так-то добро:
Какие там луны, какие теплыни,
Какой там Славутич — Днепро!

Сычи полуночью забавятся в балке,
Спит степь, осиянно вокруг.
Бывало, сидишь у костра на рыбалке,
А рядышком Митя — мой внук.

Глядится на звезды, щебечет, бывало:
«Ой, диду, як гарно у нас!»
Тем летом тринадцать ему миновало.
Не спас я кровинку. Не спас.

Вы правами схожи, окрещены горем,
Ровесники с тезкой, сынок...
Выходит, что сам я порушил свой корень:
Не спас, заступиться не мог.

С той горестью в сердце, и в помыслах
с нею

Живу, проклиная беду.
И помнить нельзя, и не помнить не смею.
Прости, коли слов не найду.

В ту пору земля горевала без дела:
Ни плуга полям, ни зерна.

В то время над нашей страной грозовела
Гражданская горесть-война.

Тевтоны топтались у самого дома.

(Те вороги — этим под стать.)

Я был председателем хуторревкома,
Имел и наган, и печать.

В почтении был — доложу

без бахвальства,

Событиям в корень глядел.

Со мной не гнушалось большое начальство

Входить в положение дел.

На хуторе нашем пшеница хранилась —

Три тысячи двести пудов:

Награда труду, упованье и милость,

Надеюшка сирот и вдов.

Чужбинники сеяли смертное семя —

Огонь и свинец — в чернозем.

Сказали мне наши: «Уходим на время,

Иначе в котел попадем.

Редют геройские красные роты

Под натиском прусских птывков.

И нет на сегодня главнее заботы —

Зерно уберечь от врагов!»

В степи пулеметы пришельцев частили,

Сжигая и ночи и дни...

А наши меня на восток не пустили,

Велели: «Пшеницу храни!»

«Хлеб в целости будет — крестьянское дело.

Спаси вас господь от огня!..»

А утром — еще и рассвет не успело —

Забрали германцы меня.

Схватили хозяйку и дочку схватили,

И Митю,

И хату зажгли.

Нам руки связали и ноги скрутили,

И всех на майдан сволокли.

Блажной офицерик, тонкущий, как спица,

Пискляво брунжал: «Растопчу!

Куда из амбаров девалась пшеница?»

Что мог я ответить? — Молчу.

Молчу я три дня, и молчу я три ночи.

И выдумал проклятый тать:

«Поскольку вы есть несговорчивы очень —

Мы будем вас хлебом пытать!»

За стол усадили, к скамье привязали

И внука, и дочь, и жену.

И гору на стол поляниц набросали.

А тронь-ка хоть крошку одну.

Белела, душистая, близкого ближе,

Гора недоступная та.

Я денно и ночью доньше их вижу,

Те ломти — как локти у рта.

И день, и неделю, и целую вечность

Пред хлебом держали семью.

Дивились тевтоны: «О русс бессердечность!»

А я на коленях стою.

Дивились, ругались, просили, корили,
Грозилась отдать палачу;
Что день — меня злыдни насильно кормили.
Что мог я поделаться? — Молчу.

Старуха молилась, дочь слала проклятья,
А внучек все хлебца просил...
И кто это выдумал: «Все люди — братья»,
Какой фарисей возгласил?

Потом, когда больше на свете не стало
Ни Мити, ни дочки с женой,
Решил офицер: «Этим голода — мало».
И взвился огонь предо мной.

«Развязывать рты мы надежно умеем,
Хоть ты и молчун, и хитер...
Разуть его! Пятки на углях погреем».
И взял мои ноги костер...

А в ночь они драпали борзою рысью:
Ударил отмщения час.
Не выстрелил враг: «За хлеб — пытка
жизнью:
Живи, чтобы помнить про нас!»

Да, наша земля приняла поруганья.
Но верит! Стоит! Не раба!
— А ноги-то как же?
— С того сожиганья
Мне лапти судила судьба.

Вестимо, обувка не больно нарядна,
Зато в ней безбольно для пят;

В лаптях, как в бинтах, — и спокойно,
и ладно,
И шрамы не дюже горят.

С тех пор я покинул родиму-Вкраину,
Живу здесь и лапти пошу,
И зло ненавижу, и век не остыну,
И правде по правде служу.

И знай, мой Димитрий, — за верность
и смелость

Любил тебя дед Михаил.
А грошей касательно — деньги имелись:
На Памятник Хлебу копил.

Не нынче, так завтра ты будешь на воле, —
Мать-землю сыру поцелуй,
Шепни: скоро цвеств тебе, мертвое поле!
Воюй, да с войной не балуй!

В то лето сбесилась, рехнулась погода:
Жарынь да жарыща одна.
И если б не кровь да не слезы, природа,
Наверно, иссохла б до дна;

Наверно бы, небо сгорело, как порох,
Земля бы от зноя спеклась.
Тем летом не только гранит на угорах —
Тень вязкая огненно жглась.

А к этому дню воскрешенье свершилось,
Дождем проливным припущив.

Всю ночь небо грохало, лило, светилось,
Неистовый жар укротив.

И утро проснулось большим и веселым,
Прохладой залив оком.
И солнце не жгло — согревало поселок,
И травы кипели: живем!

Всем только и жить бы, надеяться, верить,
Отраду в домах привечать!
Да вражки приклады забахали в двери.
И плакала бедная мать...

Искали везде: никого не забыли, —
Пригнали на поле, к леску.
Не шибко кричали, почти что не били —
«Культурно» вгоняли в тоску.

Вокруг широко и торжественно было,
Окрестность покой окружал.
Под сникшей осиной желтела могила,
И лист на осине дрожал.

И полдень дневал расхороший без меры,
И жалость дрожала в листке.
И пачкали хром господа офицеры —
Германский — в российском песке.

Его привели и поставили к яме
В разливе июльского дня.
Он, прежне могуч, неразлучен с лаптями,
Сказал нам: — Простите меня!

Сердца берегите, себя не стращайте,
Не помните старой вины. —
И до земли нам поклонился: — Прощайте,
Дочушки мои и сыны!

И ввысь поглядел. И в лице ни полтучки,
Что в небе, — лишь ласковый свет.
И лемех от плуга на ржавой колючке,
Как щит, был на шею надет.

И красною краской на лемехе черном
Начертано: «Я — партизан».
И словно литые пшеничные зерна —
По шее. На пашню. Из ран.

И поднял он руки, в железо одеты,
И принял с усмешкой свинец.
И брови косматые строжили деды,
И бабы зывали: — Отец!..

III. СТЕЗЯ

С петлею на шее, кровавая седины,
Неволею смрадной дыша,
Не день и не месяц — четыре години
Ждала, не изверься, душа.

На что уповала ты, мукой объята?
Какого спасенья ждала?
Но — даже распятая — верила свято,
Затем что душою была.

Молящие руки, скорбящие очи,
Разгул цепелящего зла,

Гнетущий позор, леденящие ночи
Душа, испытывая, снесла.

И встала, дни мирные благословляя,
Святая на грешной земле, —
Суровая, чистая, злинкой не злая,
В прискорбии, в шрамах, в золе.

Велела: все вылечит времени замять,
Прошедшего не воскресить.
Всем павшим и сгинувшим вечная память!
Всем сущим заветчано жить!

Жить надо, жить будем, а как же иначе —
Май властвует: «Сеять пора!
Я тут ненадолго. Всем сущим удачи!»
А вокруг — ни кола, ни двора.

А сущих в поселке набралось не дюже —
Всего-то сто душ с небольшим:
Детва да бабенки, без батьки, без мужа,
Бездомных. Но май нерушим.

Шел май — чудодей сорок пятого года,
Столетия двадцатого бог.
Удушенный мир врачевала Свобода,
Сводила потери в итог.

Еще прорыдали на каждой могиле,
Повсюду — железо и грязь,
И голод. Но люди живые бродили,
Дышали — дышать не страшась.

И небо не «юнгерсы» жгли — светозорья,
И жизнь уж не мачеха — мать!
В воскресный денек, без печали и горя,
Пошли мы щавель собирать.

Стучалось легко и неслышно сердечку,
И солнце играло: «Встаю!»
Пришли мы на Узу, вступили на речку —
На главную нашу струю,

На берег, где выпало счастье родиться,
На диво живое в горсти,
На ту магистраль, у которой водица
Поможет себя обрести.

Зажжет тебя далью тропа вдоль откоса,
Встревожит зазывчивый дрозд:
Проляжет большак от заглохшего плеса,
От детства — на тысячу верст.

Все помнит мать-Родина, ведает, видит
И любит нас поровну всех:
В добре не обделит, в беде не обидит;
Ей горе — содеявший грех.

Был полдень, наверно, а может — и позже.
Палили былье за рекой.
В воде смолянистой ни бега, ни дрожи,
Ни плеска, ни всплеска — покой.

Еще не пробились на волю кувшинки
Для ласки, для солнечных дел,
Но дым в сухотравье горчил, как поминки,
И лес уже платье надел;

И время размаяло зверя и птицу;
И — шлепай по гладень-песку!
Но мы собирали не просто кислицу —
Щипали на жизнь по листку.

И вот, посредине приречного луга,
В низинке, где цвел курослеп,
Машину добыли мы — лемех от плуга, —
С чего начинается хлеб.

Сказал нам Григорий: — Находка что надо:
Ручаюсь хоть чьей головой,
Что будет правленье довольно и радо!
Кончайте вожжаться с травой!

Полдюжины плугов осталось в колхозе
Да пара заезженных кляч.
А поле вспаши, хоть угрожайся оземь,
А сеяться надо, хоть плачь.

А силы не лишек: без ветра качало
С харчей «витаминных» сельчан.
Конечно, и травка — еда для начала,
Когда бы — краяху к тем щам.

Нет в мире сравнения с хлебом насущным,
Хоть он незаметней всего.
И ныне, и в солнечном нашем грядущем
Да светится имя его!

Но хлеб, как дитё, — его вынячить нужно.
А чем он оплатит — бог весть...
В плуг пятеро женщин впрягались дружно.
О русская доблесть и честь!

В поля поспешали ранешенько-рано, —
Как деды и прадеды встарь,
На совесть вели борозду, без изъяна, —
И в зной, и в дождливую хмарь.

Работали все, от велика до мала,
Земле отдавались совсем.
Нам вера с любовью сердца согревала.
Вот так бы! Теперь бы! Да всем!

Мудрейшее дело, пречестное дело,
Бессмертное дело —
Страда.
Тебе ни границ, ни преград, ни предела,
Безмерное счастье труда.

Мирское горенье, крылатая радость,
Людей работающих родство
И тихой усталости терпкая сладость —
Простого труда естество.

От жизни не скроешься за поворотом,
Не спрячешься в частых кустах.
Рубахи и кофты, беленные потом,
Шершавая соль на устах;

Невеста босая, седая вдовица,
Младенец, бредущий в пыли:
Ветрами и солнцем дубленные лица —
Прекрасные чада земли.

Нагрелись чапыги, впаялись в ладони,
В глазах кипяtkовая хмарь...

Ах времечко-бремечко, бабоньки-кони,
Дружище мой — Гриня-плугарь!

Двадцатого мая победного года,
Чуть в поле проклюнулся день,
Проснулась, взошла, задышала работа —
Пахали пустыр под ячмень.

Пахали, заклекую землю вздымали
Простым агрегатом — горбом.
Тяжеле работа бывает едва ли,
Чем пахота та под бутром.

Гудело в ушах, каменели колени,
Скрипели, трещали хребты.
А нам — ни унынья, ни страха, ни лени:
Не будет земли-сироты.

А ветрик все тише, а солнце все выше, —
На речке б мальчишкам блажить...
В июне шестнадцать бы стукнуло Грише,
До паспорта — месяц дожить.

Да вот не отпраздновал красную дату
Вожак наш и наш комиссар:
Разверзлась земля, покатила по скату,
И дым хлопыстнул, и удар!

И небо обрушилось глиняным градом,
И день содрогнулся: «Я жив?..»
И страшно молчали с Григорием рядом
Пять женщин, свое отслужив.

И в бурой воронке, вся в красном тумане, —
Мой суд и спасенье мое, —
Раскинувши руки, лежала маманя,
И Гриша глядел на нее.

Смерть смертью поправшим вселенская
память —

Преславней любого венца.
А жизнь не убить, хоть легко ее ранить,
Обидеть, — все нет ей конца.

И мы, хоть в каких передрыгах пребудем,
Жить будем во веки веков.
Такая уж доля назначена людям
Землею. Закон уж таков.

Все вечное мчанье, — хоть гладь, хоть ухабы, —
Трясись, опалело лети...
Жизнь жить заставляла: отплакали бабы, —
До слез ли тут — сев впереди.

Крестьянское сердце, заботное сердце,
Кровь буйная робко-смирна,
Ведь было без хлеба тебе не согреться,
Но ты не сожгло ни зерна.

Дрожало дрожмя изнемогшее тело,
И пек его черный огонь;
А сердце терпело, а сердце велело:
До время — до сева не тронь!

Большие, как поле, надежные души,
Родные, как Русь, имена,

Ничто не могло вашей воли порушить —
Наесться, убив семена:

Ни голода муки, ни смертная участь,
Ни слезы зачахших ребят.
Хранили зерно, дожидаясь и мучась,
Потупивши горестный взгляд.

Теперь же — без просьб, без речей, без приказа,
Без всяких посул и угроз —
Несли: кто мешок, кто карман, кто полтаза;
Кто рожь, кто — горох, кто — овес...

Грех плакаться: Родина нас не забыла —
Прислала коней и зерна.
И люди вздыхали: «Что было, то было»,
Баюкали память: «Война».

Из плена спасенные добрым народом,
Обласканы ярой грозой,
Поля откликались неистовым всходом,
Смеялись пречистой росой.

Дышала земля, чудотворство свершая,
Сердца человечьи родня,
Считала денечки до дня урожая —
До самого жданного дня.

И чуткими ночками, будто жар-птицы,
Остиночки не опалив,
Тревожно и любо играли зарницы
И нежили хлебный разлив.

И свежие срубы притихшей отарой
Являлись при вспышках зарниц.
И пахло волнующе хлебной опарой,
И брызгало светом жар-птиц.

Цвели хлебозорки, светило трудилось,
И дождик в достатке кропил...
И вот оно — сбылось, достигло,
свершилось —
Свет-август на ниву вступил!

Жнитво! Работяг зачерствелые руки,
Заступа родимых полей.
«Жить будем! — твердили серпы
по округе. —
Жить будем, лишь рук не жалеи!»

Строчила косилка, жужжали две жатки,
И косы гуляли окрест.
Все выжав из рук, жал народ без оглядки,
Неся лучезарно свой крест.

На ниве дурить не умели, не смели:
Ни сноп не сгубили, ни злак.
Не с водки-вина — от работы хмелели.
Вот всем бы! Теперь бы! Да так!

Листва в догоранье, сентябрь на исходе —
Остуда, прозренье, светлынь, —
До новой весны усыпленье в природе.
Душа, от забот поостынь.

Не синь — голубень, журавлиные клики:
О даях, о прожитом грусть.
Тяжелые руки, усталые лики.
Вздыхни, запаленная грудь.

Задумки — большие и малые, — сбудьтесь,
Гость светлый, взойди на крыльцо;
Тревоги, улягтесь, печали, забудьтесь,
Улыбка, возрадуй лицо.

Не будет разлуки: в грядущем —
лишь встречи,

Свершения, годы и труд.
Оно не изменит, оно недалече —
Что сущие счастьем зовут!

Себя не горюньте, других не корите:
Чиста она, совесть, у вас.
В амбары идите, зарплату берите:
По гарнецу жита — аванс.

Сладчайшие дымы кружили в поселке,
В загнетках сияли угли:
Времянки, избенки, землянки, светелки —
Все новые хлебы пекли.

Хоть было стучать тебе больно и страшно
В цапучих когтях декабря, —
Ты верило, вещее сердце, не зряшно,
Ты знало: за ночью — заря.

Ты воли, ты нового хлеба дождалось,
В былом не сгорело былье.
И что там мозоли, и где там усталость,
Когда караван в жилье.

Они воздымались, как солнца большие,
Дышали на мытых столах, —
Свои насовсем, ни чуть-чуть не чужие.
Хлеб — правда о наших делах.

Не отнят, не выпрошен, не уворован —
Своими руками рожден;
Самую землей за раденье дарован.
И радость на лицах — дождем.

В обнимку, траву в инеёк наряжая,
Злат листья сыпая в ковши,
Грустила-октябрь и День Урожая
На тихую землю пришли;

Пришли, протянув расторопные руки,
У всех застучали ворот,
Позвали: «Отпразднуем, верные други,—
Заслужен твой праздник, народ.

Все миром скорбели, трудились все вместе,
Идите к веселым столам:
Всем поровну места, всем поровну чести,
Хлеб-соль и вино пополам!»

Народ не рядился, народ нарядился —
Веселье в чести на Руси, —
Не мешкал: сбегался, съезжался, сходился.
Все в клубе — проси не проси.

И праздник пошел, обрывая постромки,
Вчерашнему лиху назло.

И два гармониста в две любушки-хромки
Гремели, аж небо трясло!

И в круге солдатик — защитник народа —
Ногой-деревяшкой стучал.
О дети России, родная порода,
Край отчий — начало начал.

Пол ахал, крестились блаженно старушки, —
Веселье! Народу битком!
И пела вдова-голосунья частушки,
И вьюжила белым платком...

— Ну дала! Ну Дарья!..
— Что пляшем, что пашем!.. —
Но встал председатель: — Друзья!
Пойдемте на поле, поклонимся павшим:
Сегодня иначе нельзя.

Они — за селом, не в сторонущке дальней. —
И мне: — Ты оделся б, сынок. —
(Он стал мне отцом с той поры
горевальной.)
Он первым шагнул за порог.

Мы шли за поселок примолкшей дорогой,
Где шли они жизнь защитить,
Где деды ходили с сохой тупорогой,
Где детям и внукам ходить.

На воле смиренная осень стояла,
Туманясь приглашенным днем.
И только рябина да куст краснотала
Горели кровавым огнем.

Средь озими ярой, на ласковом месте —
На взгорке, — как восемь постов,
За смертной оградой — все рядом,
все вместе —
Дежурили восемь крестов.

Не в пашне — в Земле, под небесною
крышей,
Нашли и приют свой, и кров
Григорий, и мама, и дедушка Миша,
И Ваня, и четверо вдов.

Исполнившим долг свой не надобно стонов
(И слезы по ним — не вина):
Навеки — среди двадцати миллионов —
Означены их имена.

А вам, люди добрые, делу и дому —
Завидная доля и даль!
Сердца не горюньте. Но сердцу живому
Не дадено вынуть печаль;

Не дадено сердцу утратить утраты,
Забиться, тем более — здесь.
Смахнули слезу старики и солдаты
И — «смирно!», и отдали честь.

Заохали бабы: — Родные, простите,
Что вас не сумели сберечь!
Мы целы остались, за то не судите...
И сторож сказал свою речь:

— Вы точно и правильно жизнь разумели,
Не знали собой дорожить:
Радели о близких, о долге, о деле.
Вот всем бы! Да так бы служить!

Косматилась тучина аспидной гривой,
Бил луч в нее, сумрак разя.
И час поминальный, и праздник
счастливым
Скрестились — людская стезя.

Людская судьба — не дорога во поле —
По жесткой земле пролегла.
И зябко от ветра, и жарко от воли,
И сизая светится мгла.

И кроткому лугу муравушка снится,
Добрынюшка — песельник-май.
И теплятся скорбью открытые лица,
И сердце полно через край.

Простор без конца в рыжине горьковатой,
Багровый, как знамя, заход.
И зрелое семя
Над каждой утратой
С лихвою — в свой срок — оживет.

СОДЕРЖАНИЕ

Владислав Шошин. Стезя Игоря Григорьева . . . 3

ЛИРИКА

«Зажгись глаголом песнопенья!..»	8
В давнем	9
«Дорогие лесные пустыни...»	10
«Не прибыльна песня об этом...»	11
Вешняя ночь	11
«Я чегой-то сник в печали...»	12
«Разлука-даль стихи слагает...»	13
«Мне бедный лог, осенний лог...»	14
«Чтоб сердечней биться...»	15
«Большой закат на вечер малый...»	16
«Позвала к открытому окну...»	16
«Да неужель мы хуже лебедей...»	17
Оправданье	17
Блудный сын	18
Начало Пскова (Из поэмы «Зажги надежду»)	19
«Немы и пусты...»	23
«Октябрь в низинном захоластье...»	23
«В жар-июле, в разгар покоса...»	24
Перед июнем	25
Доброта цветов	26
Одуванчики	26
Иван-чай	26
Чертополох	26
Вереск	27
Просто бутоны	27
Подорожник	27
Грачи	27
Ситовичи	28
«В августе рассвет на ногу нескор...»	30
«Я в русской глухомани рос...»	31
«Когда мы были очень юными...»	32
Во времена года	33
За цветенью	33
За листопадом	33

За вьюгой	34
За паводком	34
Осколок	35
«Как ласково день догоревший...»	35
Красуха в 1943-м	36
Последний большак	37
«Поклон, поклон, ржаное поле...»	38

ПОЭМА

Жить будем	40
I. Светлынь	40
II. Потемки	56
III. Стезя	73

Игорь Николаевич Григорьев

СТЕЗЯ

Новые стихи

Редактор Л. И. М а л я к о в. Художник Б. М. В о р о б ъ е в а
Художественный редактор А. К. Т и м о ш е в с к и й
Технический редактор Г. В. П р е с н о в а
Корректор Т. В. М е л ь н и к о в а

ИВ № 2119

Сдано в набор 24.11.81. Подписано к печати 11.02.82. М-17448. Формат 70×90^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарн. об. новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,22. Усл. кр.-отт. 3,44. Уч.-изд. л. 3,30. Тираж 25 000 экз. Заказ № 351. Цена 40 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.